

ПОРТРЕТ

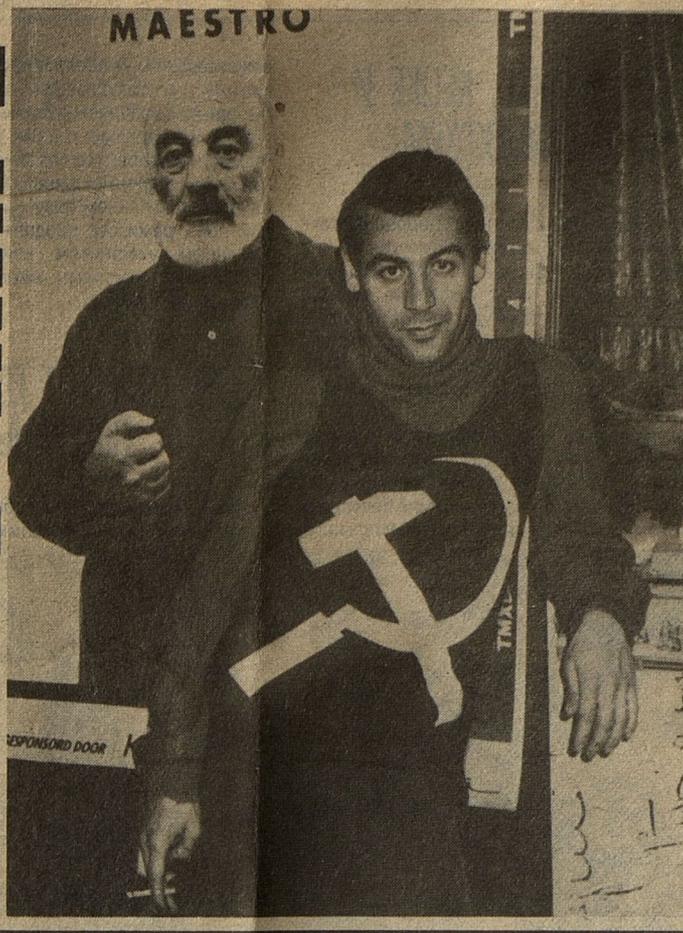
В одном из интервью 1984 года Сергей Параджанов говорил, что хотел бы снять «Исповедь» о кладбище. «Это сценарий о том, куда исчезли мои родители, мои предки, и почему их души кружатся над городом. Могилы сродняли с землей, и теперь на их месте парки и игровые площадки. Это философская связь: судьба, ностальгия. Ностальгия по моим предкам, воспроизведение в памяти их печальных судеб. Вместе с ними исчезают и платья их, и вещи...»

Однажды во ВГИКе я совершенно случайно увидела поздравление, адресованное студенту II курса режиссерского факультета Георгию Параджанову. Поздравляли с получением Главного приза на фестивале, который проходил на родине Федерико Феллини в итальянском городе Римини, за картину «Сезон похорон». В тот же день мне удалось посмотреть этот короткий фильм, исполненный сдержанной поэтичности и спокойной, будничной реальности. Он вызвал странное чувство печали, какое обыкновенно появляется у меня в пору долгого снегопада. Жизнь и смерть, соединенные в каждом из нас своей естественной и беспощадной неизбежностью, обозначены в картине без каких-либо многозначительных символов, облегчающих задачу автора в выражении вечной темы и удобных для всевозможных философских изысков. И вместе с тем, картина глубоко философична. Все здесь просто, как на детском рисунке, где несоразмерность линий не прихоть художника, но бессознательное следование полученному когда-то впечатлению от уходящего осеннего дня, раз и навсегда поразившему «сыроу прелестью мира». Тут главное — настроение, эмоциональный надлом, не поддающийся никакому пересказу не потому, что не хватает слов, но из-за таинственной области одиночества и утраты, где слова попросту неуместны и где действует личный ассоциативный ряд, слагаемые которого у каждого человека глубоко индивидуальны.

Этот фильм выстроен подобно перелиставаемой книге, где страница — кадр — ожива-

МОЕМ...

В МИРЕ

ет в соответствии с движением души и воспринимается самостоятельным фрагментом действительности, художественно законченным и имеющим способность вдруг всплыть в памяти отчетливо и цельно.

Фильм снят в доме, который знает весь мир. Он стоит в Тбилиси на горе Святого Давида. Дом Сергея Параджанова. Одинокий, опустевший, умирающий. «Мой дом», — так говорит о нем Георгий. Слишком много с ним связано, чтобы за словами «мой дом» не услышать «мой мир, моя судьба». Здесь Георгий

вырос среди повседневного параджановского карнавала, источником которого была неиссякаемая творческая натура Сергея Иосифовича, способная превращать в искусство самые простые вещи: спичечную коробку, половую тряпку — да все, что в данный момент было под рукой. Ахматовские строчки: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда», — удивительным образом буквально совпадают с параджановским талантом, исключая всякую иносказательность.

Не так давно в том доме творились Бог знает

какие чудеса. Они и сегодня продолжают в комнате старой квартиры в центре Москвы, где живет Георгий, когда вдруг ни с того, ни с сего откроется дверь платяного шкафа или зашуршит, будто оживший, старинный буфет. А то остановятся часы, застучит что-то в шкафу, закачается люстра... Похоже, вместе с вещами приехали сюда из легендарного дома и его призраки. Эти вещи несут в себе энергию, силу, страсти, что были в том доме. Вещи тоже имеют свою жизнь, свою судьбу. Как тут не верить в существование души вещей, как не поверить в реальность сундучка Джульетты?

— Я страшно благодарен этому дому. Я видел самый великий театр, который когда-либо существовал на свете. Этот театр создал Сергей. Для него не было канонов. Мир — хаос, и он из этого хаоса создавал — все время, каждый день, — искусство, делал поэзией все то, что его окружало. Это был очень талантливый дом. Моя бабушка была великая актриса. В жизни, конечно. С этими своими заговорами, которыми она меня запугивала, с этой своей бесконечной мистикой... Все это связано с детством. Я часто по ночам кричал во сне, кого-то звал. В доме зажигался свет, меня будили, заставляли пописать, спрашивали, что я видел во сне? Ничего не отвечая, я испуганно смотрел по сторонам. Шаркая большими мужскими тапками, приходила бабушка в белой ночной сорочке, с распущенными волосами, с катарактой на правом глазу, держа в руках большую иголку, которая по-грузински называется «махат». Садилась ко мне на кровать и спрашивала: «Какого цвета был сон?» Пролетев в ушко нитку цвета сна, она водила иголкой с ниткой над моей головой, шептала непонятные слова, при этом зевая до слез и крестя себе рот. Воткнув иголку в обои прямо над моей кроватью, она удалялась со словами: проклятый дом!

Я похоронил маму, всех предков, ушел Сергей. Я остался один в пустом доме, да еще голодная кошка Фей... Когда я приезжаю в Тбилиси, прихожу на кладбище, вырываю там траву, зажигаю свечи, наливаю бутылку белого вина. Помню, как в детстве я был поражен кладбищем паровозов...

«Сезон похорон» — первое прикосновение к собственной биографии, первое выражение своего мироощущения. А рассказ Георгия о детстве — отрывок из его сценария «В мире моем». Наверное Сергей Параджанов был прав, когда говорил, что режиссер «рождается» в детстве. Бесспорна исповедальность картины. Возможно, это начало большой «Исповеди» — другой исповеди, снятой другим Параджановым из того же рода.

Антонина КРЮКОВА